

Д.И. Воейков

**Земство и призыв
правительства к борьбе с
революционной пропагандою**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Д11

Д11 **Д.И. Воейков**
Земство и призыв правительства к борьбе с революционной пропагандой / Д.
И. Воейков – М.: Книга по Требованию, 2023. – 68 с.

ISBN 978-5-458-16783-3

ISBN 978-5-458-16783-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

для этого жертвовали и реформами, и образованіемъ, и благомъ народа: результаты на лицо. Въмѣсто не-
большаго числа сумасбродовъ 1866-го года, изъ ко-
торыхъ одинъ противъ воли и желанія товарищей
рѣшился покуситься на цареубійство, мы имѣемъ те-
перь тысячу убійцъ безнаказанно занимающихся сво-
имъ позорнымъ ремесломъ по всему пространству
Россіи; послѣ ряда убійствъ, оставшихся безнаказан-
ными, они покушаются наконецъ на Священную Особу
Государя; единственный убійца, котораго полиція
успѣла задержать, былъ тотъ, который покусился на
Него, остальные невредимы.

Мы опасаемся, что нѣкоторые изъ окружающихъ
Государя, частью изъ усердія не по разуму, а болѣе
изъ своекорыстныхъ видовъ воспользуются настоящей
исторической минутой, не для того чтобы дѣйстви-
тельно противодѣйствовать бѣдѣ; они постараются
вызвать Власть на общія мѣры, противъ и невинныхъ,
съ тѣмъ чтобы въ числѣ ихъ попасть на дѣйстви-
тельно виновныхъ — это будетъ похоже на Иродово
пзбіеніе младенцевъ.

Ничѣмъ нельзя нанести такого громаднаго вреда
Государю и Россіи, какъ подобными мѣрами. Пусть
успятъ средства полиціи, пусть поступаютъ съ при-
мѣрною строгостью, и безъ всякаго сожалѣнія съ
дѣйствительными виновниками, но да избѣгаютъ тѣхъ
огульных мѣръ, которыми и безъ того успѣли уже

VII

болячку нигилизма довести до гангрены организованных политических убійствъ.

Россія можетъ много вынести! Исторія послѣдняго десятилѣтія представляетъ, къ сожалѣнію, этому новый примѣръ; но тѣмъ, которые въ нашей памяти пробуждаютъ образъ Царя, рубившаго головы стрѣльцовъ, слѣдуетъ напомнить, что уваженіе и любовь народа принадлежатъ этому Царю, не за эти проявленія строгой энергіи, а за то, что польза и благо Государства не покидало его мысли, что въ каждомъ Его шагѣ, въ каждомъ дѣлѣ, видна была забота о Россіи.

Насъ не удивятъ мѣры строгости, но для блага Царя и Россіи мы желаемъ, чтобы онѣ коснулись только дѣйствительно виновныхъ. Ежели при этомъ возобновится преобразовательная работа и исчезнетъ, то незаслуженное недовѣріе къ Земству и русскому обществу, которое такъ омрачило исторію послѣднихъ 10—14 лѣтъ, то намъ придется только радоваться такой перемѣнѣ...

Мы содрогаемся при мысли, что темныя силы, всплывшія послѣ 1866 года, воспользуются вновь минутой, чтобы вызвать новыя общія репрессивныя мѣры!.. Въ послѣднее время передъ покушеніемъ было основаніе надѣяться, что возобновится преобразовательная работа. Назначеніе комиссіи для скорѣйшей отмены подушной подати и многія другія

VIII

мѣры указываютъ, что таковы были намѣренія Государя. Если же теперь суждено всему этому измѣниться, если вновь во всей преобразовательной работѣ явится застой и будутъ прилагаться лишь мѣры, стѣсняющія мысль и образованіе, то мы считаемъ долгомъ сказать, что именно здѣсь и находится единственная серьезная опасность для мирнаго развитія Россіи. Именно отъ этого только могутъ возникнуть гибельныя потрясенія, послѣдствія которыхъ невозможно даже оцѣнить вполнѣ.

Уже, конечно, не недостаткомъ репрессивныхъ мѣръ страдали мы эти года. Все, что можно было сдѣлать, хотя съ чувствительнымъ, но поправимымъ вредомъ для Россіи, сдѣлано, что можно теперь еще сдѣлать, то перейдетъ уже этотъ предѣлъ, мѣры эти будутъ имѣть послѣдствіемъ увеличеніе числа недовольныхъ и въ особенности возрастаніе силы разрушителей и теперь уже не малой.

Нужно помнить, что съ мыслью, каковы бы ни были ея печальныя уклоненія, нельзя бороться штыкомъ, что всякое стѣсненіе открыто высказываемыхъ законныхъ мнѣній только помогаетъ подпольной пропагандѣ.

Намъ пріятно заключить это введеніе указаніемъ, что по первымъ извѣстіямъ изъ Петербурга есть основаніе ожидать именно теперь усиленія преобразовательной дѣятельности. Въ добрый часъ!

Въ Августѣ 1878 года, правительство, очевидно, въ виду совершенныхъ съ политическою цѣлью убійствъ, обращается съ призывомъ къ русскому обществу, взывая къ его патріотизму и приглашаетъ его сомкнуть ряды, чтобы вмѣстѣ съ правительствомъ бороться съ разрушительными началами и защищать родину, общественный порядокъ, семью и религію отъ угрожающей имъ опасности.

Этотъ призывъ повторенъ въ рѣчахъ губернаторовъ при открытіи земскихъ собраній. Мы слышали отвѣтъ на него лишь одного Харьковскаго земства, которое объяснило въ своемъ адресѣ, что русскій народъ въ своемъ настоящемъ безправномъ положеніи имѣетъ только возможность приносить на алтарь общественнаго благосостоянія кровавыя жертвы. Земскіе представители заявляютъ, что не только весь народъ, но и себя считаютъ совершенно безсильными, при существующихъ условіяхъ, дѣятельно отозваться на призывъ правительства, не смотря на всю ихъ добрую волю. Затѣмъ заявляютъ, что Богъ, всѣмъ богато одаривъ Россію, лишилъ ее одного, чего они и просятъ у Царя: самоуправленія,

прирожденнаго всякому народу; въ подкрѣпленіе своей просьбы они ссылаются на Болгарію, которой это право дано тѣмъ же русскимъ государемъ.

Въ заключеніе они обѣщаютъ и дѣятельное содѣйствіе въ борьбѣ съ разрушительными началами и процвѣтаніе Россіи, если имъ будетъ дано законодательство на болѣе свободныхъ условіяхъ, избавленіе отъ узъ, стѣсняющихъ ихъ гражданскія и человѣческія права.

Такъ отвѣчало Харьковское земство и этотъ отвѣтъ лишилъ насъ возможности услышать отвѣты другихъ русскихъ земствъ: обсужденіе вопроса было запрещено. Возстановляется прежнее безмолвіе: до Верховной власти не доходитъ голосъ Земли, даже въ отвѣтъ на прямой запросъ правительства. Мнѣнія Земли доходятъ до Царя опять исключительно черезъ его совѣтниковъ.

Вотъ перечень событій этого краткаго, но не славнаго эпизода, призыва Россіи и земства къ содѣйствію правительства.

Въ результатъ получается усиленіе взаимнаго недовѣрія; заслушано мнѣніе лишь одного земства, но такъ какъ другимъ не дали высказаться, то во всѣхъ, не знающихъ близко русскаго земства, остается впечатлѣніе, что и другіе высказались бы также.

Однако подобное заключеніе было бы вполнѣ неверно.

Будучи заброшенъ судьбой за грапицу, далеко отъ того земства, гдѣ приходилось работать, я счелъ долгомъ въ настоящей брошюрѣ, пользуясь столь необычной для земца свободой слова, высказать то, что не у меня одного на умѣ, и что составляло бы суть земскихъ отъзывовъ, если бы земствамъ дали высказаться свободно.

Разобравъ сначала отвѣтъ Харьковскаго земства, я разъясню почему, по моему мнѣнію, его нельзя признать за выраженіе желаній Русской Земли, затѣмъ укажу въ чемъ, какъ я полагаю, заключается то зло, съ которымъ приходится бороться, та душная атмосфера настоящаго времени, которая оказывается столь благопріятною для развитія болѣзни, въ чемъ,—въ общемъ очеркѣ, могли бы заключаться мѣры для леченія болѣзни, какъ частной, такъ и болѣе общей, неудовлетворительнаго экономическаго положенія и въ заключеніе изложу, каковъ, по моему мнѣнію, только и могъ быть отвѣтъ земства на призывъ Верховной Власти о помощи.

Какъ не трудно говорить о мнѣніи подвергшемся административной карѣ, не можемъ не высказать, что Харьковскій адресъ или навѣянъ извнѣ, или случайный, во всякомъ случаѣ не можетъ считаться отвѣтомъ Земли Русской на призывъ Верховной Власти. Не затѣмъ несъ народъ свои головы и деньги па Балканы для освобожденія Славянъ, чтобы позавидовать своимъ братьямъ, попрекнуть Верховную власть, напоминая,

что чужимъ даютъ то, въ чемъ отказываютъ своимъ; что нашъ народъ пользуется лишь правомъ приносить кровавыя жертвы.

Я не касаюсь теперь вопроса объ умѣстности подобнаго заявленія, но останавлиюсь лишь на характерѣ, враждебномъ Славянскому движенію и послѣдней войнѣ. Это не голосъ русскаго земства; оно иначе относилось къ этимъ вопросамъ, и доказало это не словами, а дѣломъ пожертвованій, не только добровольныхъ, но первое время, даже и недозволенныхъ. Тотъ отгѣнокъ мнѣнія, который видѣнъ въ этихъ мѣстахъ Харьковскаго адреса, проявлялся въ немногихъ не національныхъ органахъ печати и особенно въ самой ненародной части Россіи, въ высшихъ слояхъ петербургскаго общества; здѣсь не рѣдко приходилось слышать возраженія противъ своевременности и умѣстности охватившаго Россію Славянскаго движенія; „зачѣмъ давать деньги Славянамъ, когда столько своихъ нуждающихся, зачѣмъ устроить чужую судьбу, когда у себя дома столько неотложнаго, внутренняго дѣла.“ Кому не случалось этого слышать; надо признать, что, не принимая въ соображеніе условій русской среды, можно считать это мнѣніе вполне справедливымъ. Рѣже всего, почти никогда, эти мнѣнія не высказывались людьми, знавшими внутреннюю жизнь Россіи; это понятно, потому что для того, чтобы общество занялось тѣми

внутренними вопросами, которые стали столь дороги петербургскимъ высшимъ кругамъ, что имъ предлагалось жертвовать честью Россіи, выносить позоръ, надо, чтобы къ этому была возможность.

Но по сложившимся условіямъ въ года, предшествовавшіе славянскому движенію, изъ внутреннихъ вопросовъ доступны обществу были лишь:

1) разные виды наживы, которые по особымъ нашимъ условіямъ болѣе или менѣе связаны съ казнокрадствомъ (даже свободной биржевой игры у насъ нѣтъ... и здѣсь пужны связи, протекція) и

2) полицейская травля нигилистовъ.

Въ послѣдствіи исторія укажетъ намъ, сколько за это время духъ наживы поглотилъ живыхъ, образованныхъ русскихъ силъ... но нельзя же жаловаться на то, что все общество не удовлетвовалось подобной дѣятельностью.

Когда именно въ высшихъ петербургскихъ кругахъ указываютъ на необходимость пожертвовать даже честью Россіи для скорѣйшей работы по внутреннимъ вопросамъ, мы считаемъ полезнымъ напомнить, что подобные вопросы имѣютъ, конечно, свою громадную важность, но когда нужно будетъ жертвовать, то честь Россіи конечно послѣднее, о чемъ придется вспомнить.*)

*) Даже матеріально подобныя жертвы слишкомъ дороги; непрочный міръ сегодня можетъ вызвать худшую войну завтра.

Именно въ Петербургѣ скорѣе слѣдовало бы обратить вниманіе на миллионныя награды людей, нанесшихъ иногда Россіи громадный вредъ, и на расхищеніе въ угоду имъ и ихъ любовницамъ государственныхъ земель.

Русское общество невинно въ томъ, что тѣ болѣзненные явленія, которыя допускаютъ это зло, задушили и славянское движеніе, свели на нѣтъ то, что было куплено такой дорогой цѣной, такими самоотверженными усиліями.

Теперь остается спросить, могъ ли дѣйствительный народный голосъ, отвѣтъ русскаго земства, требовать учрежденій, гарантій.

Мы не считаемъ этого возможнымъ потому,

1) что по простому чувству приличія нельзя на призывъ о содѣйствіи, помощи, отвѣчать, прося на водку.

2) что русское земство слишкомъ хорошо знаетъ, чего намъ недостаетъ, что дѣло не въ учрежденіяхъ и гарантіяхъ.

Припомнимъ главные моменты русской исторіи: она не знаетъ разныхъ отношеній народа къ своему царю: даже самыя возстанія дѣлались лишь именемъ царя. Но отношенія власти къ народу бываютъ двоякія. Тѣ періоды, которые въ исторіи и памяти народной оставили свѣтлое воспоминаніе, какъ царствованія Петра, Екатерины II, частью Елизаветы и Александра I и

песомѣнно первое десятилѣтіе настоящаго царствованія, характеризуются довѣрчивымъ, спокойнымъ отношеніемъ власти къ своему народу. Не сомнѣваясь ни въ своей силѣ, ни въ любви народной, власть дѣйствуетъ смѣло, энергично; во внѣшнихъ дѣлахъ высоко держится народное знамя; внутри необходимыя преобразованія исполняются безъ страха и колебаній. Правительство по большей части идетъ впереди народа, нерѣдко опирается на образованное меньшинство и не опасается сопротивленія закоснѣлыхъ приверженцевъ старины или узкихъ противообщественныхъ интересовъ.

Совершенно иные результаты дали тѣ періоды исторіи, когда преобладающимъ характеромъ власти былъ страхъ, недовѣріе къ народу, опасеніе и розыски крамолы, когда власть, увлекалась фантастическими или ненужными цѣлями, покидала путь національной политики извнѣ, живой работы развитія внутри. Не добромъ поминаетъ исторія времена Ивана Грознаго, Анны Іоановны, Павла I и времена Аракчеева и Магницкаго при Александрѣ I. Въ эти времена, при господствѣ страха и недовѣрія, самая воля самодержца подвержена безпрестаннымъ колебаніямъ; у самыхъ мягкихъ по природѣ проявляются порывы жестокости, нѣтъ послѣдовательности, не рѣдко преслѣдуются не русскія цѣли... Распусканіе окраинъ, стѣсненіе внутри Рос-